

падеж-bifurcatio. А зависимое существительное trachea, ae f необходимо поставить в единственное число родительный падеж-tracheae.

Номинативных единиц в языке не так много, гораздо больше производных от этих слов. Затем благодаря синтаксису образуются словосочетания, несущие более точное значение: происходит соединение предмета и его признака [9, с.285].

Выше сказано, что в латинском языке на первом месте всегда стоит имя существительное. Так мы приблизились к неотъемлемому разделу при формировании многоэлементного термина-семантике. Главную позицию занимает название субъекта в именительном падеже, затем идут зависимые слова, определяющие его признак, а именно, прилагательное, согласованное с главным словом, или существительное в родительном падеже, после могут стоять прилагательные, отвечающие за признак, обозначающий анатомическое расположение объекта.

Мы разобрали взаимодействие синтаксиса и морфологии, а данные примеры показывают, как роль семантики определяет расстановку слов по степени их значимости.

BronchusNS lobaris superior dexter	Правый верхний долевого бронх
RetinaculumNS musculorumGPI flexorum et extensorum	Удерживатель мышц-сгибателей и разгибателей
Musculus flexorNS carpiGS ulnarisGS	Локтевой сгибатель запястья
ProtuberantiaNS occipitalis externa	Наружный затылочный выступ
MembranaNS interossea fibulare	Малоберцовая межкостная перепонка

Правый верхний долевого бронх:
(Что?) Bronchus – главное слово, стоит на первом месте.

(Какой?) lobaris – зависимое слово, описывающее главное, занимает второе место.

Затем указывается анатомическое расположение – superior dexter.

Удерживатель мышц-сгибателей и разгибателей:

(Что?) Retinaculum – главное слово, стоит на первом месте.

(Чего?) Musculorum – зависимое слово, на втором месте.

(Каких?) flexorum et extensorum – главным словом для них является зависимое слово Musculorum, поэтому стоят после него.

Наружный затылочный выступ:

(Что?) Protuberantia – главное слово, стоит на первом месте.

(Какой?) Occipitalis – зависимое слово, описывает главное, стоит на втором месте

(Какой?) Externa-зависимое слово, описывающее анатомическое расположение, занимает третье место.

Таким образом, примеры подтверждают, что нарушение взаимосвязи между морфологией, синтаксисом и семантикой ведет к непониманию людей друг друга во время коммуникации в медицинской среде.

Проведенное исследование демонстрирует, что взаимодействие морфологии, синтаксиса и семантики в многоэлементном термине играет важную роль в медицинском сообществе. Морфология дает слова, которые при влиянии синтаксиса превращаются в словосочетание, имеющее смысл, а семантика помогает правильно сфокусировать внимание в многоэлементном термине. Эта взаимосвязь обеспечивает адекватное восприятие и соответствующее воспроизведение термина в профессиональной коммуникации.

Список литературы

1. Реформатский А.А. Мысль о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. 1986. С. 163-198.
2. Воробьева О.И. К вопросу об изучении политической коммуникации // Вопросы современной лингвистики. Межвузовский сборник научных трудов. Архангельск: Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 1999. С. 31-37.
3. Кузнецова Т.Я., Федотова Н.О. Концептуальная метафора в формировании термина медицинской латыни // Здоровье и образование в 21 веке. 2018. Вып.8. С. 11-16
4. Новодранова В.Ф., Бондарчук Г.Г. Аналогия как механизм категоризации // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 22. С. 97-102.
5. Беседина Н.А. Межуровневое взаимодействие в языке как проблема когнитивной лингвистики // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. 2008. С. 58-61.
6. Беседина Н.А. Морфология в аспекте межуровневого взаимодействия в языке // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. 31. С. 26-35.
7. Кузнецова Т.Я. Особенности грамматической системы латинского языка как когнитивно-коммуникативной основы медицинской терминологии // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3(58). С. 54-61.
8. Манерко Л.А. Номинация и единицы научной сферы английского языка // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. 31. С. 280-289.

ДИСКУРС В РАМКАХ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

Джилкишиева М.С., Габидуллина А.К.
НАО «Южно-казахстанский университет
имени М. Ауэзова», Шымкент,
e-mail: maira-taraz@mail.ru

Мы живем в эпоху объединения и взаимодействия культур, являемся свидетелями и участниками протекающего процесса глобализации. Однако интеграция происходит не только на культурном уровне – наблюдается возникновение новых межнаучных дисциплин. В парадигме лингвистических знаний также происходят значительные изменения.

Середина XX века ознаменовалась новыми веяниями: свежий взгляд на язык проник со стороны точных наук (оттуда в большей степени заимствовались методы) и со стороны наук, изучающих человека и его мир (где, ско-

рее всего, заимствовались идеи). В результате влияния точных наук, привнесших в лингвистический анализ математические и логические методы, происходила изоляция лингвистики от гуманитарного цикла, отодвигалась в тень национальная специфика языка. Влияние философии и психологии возвращало лингвистику в гуманитарный контекст [1, с.32-33]. Таким образом, по словам В.С. Ли, язык начинают рассматривать не как «самодостаточную ценность», а как «источник познания человека» [2, с.17]. То есть от лингвоцентризма переходят к антропоцентризму.

В целом, антропоцентрический подход к языку, ориентированный на мир семантики и ментальной деятельности человека, заставил пересмотреть многие сложившиеся теории, обратить внимание на факты, не замеченные, как пишет Н.Д. Арутюнова, «глазами» прежних концепций», приблизиться к сущности языка и его человеческой природе [1, с.31].

Включение человеческого фактора в лингвистическую парадигму способствовало становлению новых отраслей современной лингвистики: лингвистической прагматики, теории речевых актов, функциональной грамматики и теории дискурса, чаще всего рассматриваемой в рамках новой формирующейся парадигмы, которую склонны называть когнитивно-дискурсивной или когнитивно-дискурсивной.

Когнитивная парадигма и когнитивная лингвистика также являются новым, современным этапом в развитии языкознания. Однако мы еще не можем говорить о когнитивной лингвистике как об уже окончательно сформировавшемся научном направлении со своим терминологическим аппаратом и с собственным предметом исследования. «Проблематика когнитивной лингвистики настолько широка и разнообразна, что трудно в ней четко выделить одну какую-нибудь проблему, которую можно было бы считать центральной», – отмечает В.С. Ли [2, с.82]. Когнитивная лингвистика объединяет многочисленные течения и учения, решающие свои частные задачи и в то же время имеющие точки соприкосновения с другими лингвистическими направлениями. Но наиболее тесная связь проявляется в общности проблематики когнитивной лингвистики и психолингвистики, т.к. «когнитивная лингвистика провозглашает необходимость рассмотрения языка таким, каким он репрезентируется в сознании человека, в его голове» [2, с.81].

В связи с когнитивной лингвистикой принято говорить и о когнитивной науке (когнитологии), которая изучает как ментальные процессы, мыслительную деятельность человека, так и результаты этой деятельности. Однако если рассматривать когнитивную лингвистику как науку, изучающую связь языка с ментальной деятельностью человека, с миром мыслей, знаний, мнений и суеверий, то в этом смысле ког-

нитивный подход к языку правомерно противопоставлять коммуникативному, исследующему не менее важный аспект языка – функцию общения. И в этом случае когнитивная лингвистика может быть интерпретирована как лингвистика «в узком взгляде на язык», т.к. она значительно ограничивает область своих исследовательских интересов [2, с.83].

Однако известно, что язык – это не только когнитивный механизм, но и инструмент, с помощью которого человек реализует свои коммуникативные и прагматические интенции [2, с.84]. В дискурсе как речемыслительной деятельности говорящего (пишущего) субъекта информация не только обрабатывается, но и передается с учетом всех закономерностей коммуникативного акта, включающего двух взаимодействующих субъектов (отправителя и получателя). Таким образом, налицо необходимость «более широкого взгляда на язык», включающего, помимо исследования ментальных репрезентаций «в чистом виде», исследования когнитивной деятельности, осуществляемой во время построения дискурса. Такой более широкий взгляд, проще говоря, и есть когнитивно-дискурсивный подход, основные теоретические постулаты которого Е.С. Кубрякова сформулировала следующим образом: «Мы считаем допустимым отвлечение при анализе когниции от факторов социально-исторической обусловленности этого процесса, как и от факторов эмоционального порядка. В то же время в отличие от функционального подхода, ориентированного исключительно на использование и условия его употребления, мы не считаем возможным ограничиваться в проведении лингвистических исследований одной коммуникативной стороной дела. Наиболее адекватным мы считаем такое определение языка, согласно которому он понимается как когнитивный процесс или когнитивная деятельность, осуществляемая с помощью языка и обычно осуществляемая во время построения дискурса» [3, с.47].

На сегодняшний день сфера употребления термина «дискурс» настолько широка и необъятна, что приходится говорить о полисемии этой терминологической единицы в разных науках: лингвистике, социологии, политологии, логике, философии [4, с.64]. В языкознании теория дискурса возникла в 60-70-х годах XX века. Ее появлению служили такие предпосылки, как стремление вывести синтаксис за пределы предложения, разработка прагматики речи; интерес к речевому употреблению и субъективности речи. Одним из первых «дискурсов» как термин стал использовать Э. Бенвенист в своей «Общей лингвистике». Р. Барт рассматривал «дискурс» как «связный и достаточно длинный текст в его динамике, соотношенный с главным объектом, с “Эго” всего текста, с творящим человеком» [5, с.491].

Дискурс с одной стороны связан с прагматической ситуацией, с другой – с ментальными процессами участников коммуникации. Первая сторона определяет связность дискурса, его коммуникативную адекватность, вторая подчиняется этнографическим, психологическим и социально-культурным правилам и стратегиям понимания и порождения речи в определенных условиях. Дискурс – это «вербализованная речемыслительная деятельность» [6, с. 10-11], он представлен как совокупность процесса и результата.

Наиболее полной дефиницией дискурса на сегодняшний день является определение Н.Д. Арутюновой: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания (когнитивных процессов). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [7, с. 136-137].

Т.А. ван Дейк рассматривает дискурс в широком и узком смысле: «Дискурс в широком смысле есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Типичные примеры – обыденный разговор с другом, диалог между врачом и пациентом, чтение газеты» [8, с. 54]. Говоря о дискурсе в узком смысле, как правило, выделяют только вербальную составляющую и говорят о ней далее, как о «тексте» или «разговоре». «В этом смысле термин «дискурс» обозначает завершённый или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия, его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентами. Т.е. дискурс в самом общем понимании – это письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия» [8, с. 55].

Включение в понятие дискурса социально-психологических категорий, которые связаны с «взаимодействием людей» и миром их ментальной деятельности, ярко свидетельствует о сближении теории дискурса с антропоцентрической парадигмой, «поскольку дискурс – это целенаправленное коммуникативное действие говорящего субъекта, мировидение и миропонимание которого проявляются именно в дискурсивной деятельности» [2, с. 88]. Понимая под дискурсом сложное социально-коммуникативное явление, в формировании которого уча-

ствуют кроме прагматических и когнитивных факторов и социальные составляющие (этнический статус, коммуникативные установки, мнения, предубеждения и т.д.), основоположник лингвистики текста Т.А. ван Дейк считает: «дискурс не является лишь изолированной текстовой или диалогической структурой. Скорее это сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения» [9, с. 113].

Говоря о дискурсе (в противовес тексту), Г.М. Левина имеет в виду две его составляющие: передаваемую текстом информацию и средства выражения этой передачи, а также окружающий контекст (знания о конкретной ситуации, которые могут включать и социальные, и культурологические, и иные общие для данного социума знания о мире), который делает возможным адекватное понимание коммуникативного акта [4, с. 66]. При этом она подчеркивает, что речь идет о коммуникативном, а не речевом акте, и текст может представлять собой не вербальное выражение, а иные варианты коммуникации, не выраженные словесно, но предполагающие, тем не менее, определенные знания о ситуации. По терминологии Т. ван Дейка, этот коммуникативный акт нельзя назвать «дискурсом в узком смысле», т.к. вербальная составляющая отсутствует. Но при этом можно ли назвать его «дискурсом в широком смысле», если данный коммуникативный акт имеет невербальные составляющие, но не имеет вербальной?

На вопрос, возможен ли дискурс без эксплицитного вербального текста, Г.М. Левина отвечает, что, скорее всего, возможен. И выделяет даже несколько видов такого дискурса (дискурс, внешне выраженный на уровне мимики; дискурс на уровне других знаковых систем; дискурс с использованием только дейктических слов, не составляющих связного текста). В отдельный тип Г.М. Левина выделяет дискурс, который нельзя назвать невербальным, но в то же время это не «нормальный дискурс», – когда разноязычные собеседники говорят каждый на своем языке.

Однако, подразделяя дискурс на виды в связи с наличием или отсутствием вербальных элементов, необходимо помнить, что зачастую очень трудно провести границу в человеческом общении между исключительно вербальным поведением и исключительно невербальным, настолько тесно они переплетаются.

Итак, функционирование языка в процессе построения текста, речь, порождаемая в процессе коммуникации, напрямую соотносится с понятием дискурса, т.е. связным текстом в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текстом, взятым в событийном аспекте. Понятие дискурса, интерпретируемое широко

и неоднозначно, включает в себя множество типов: инженерный дискурс, политический, медицинский, технический, экономический, газетный, художественный и пр. В лингвистике не существует единого взгляда на теорию дискурса, однако это сложное, не до конца определенное понятие, возникшее в рамках антропоцентрической парадигмы, принято рассматривать в рамках новой формирующейся науки – когнитивной лингвистики.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Национальное сознание, язык, стиль // Лингвистика на исходе XX века. М., 1995. С. 32–33.
2. Ли В.С. Парадигмы знания в современной лингвистике. Алматы: КазНУ, 2003. 138 с.
3. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
4. Левина Г.М. Невербальная вербальность: некоторые вопросы и уточнения к понятию «дискурс» // Мир русского слова. 2003. №2. С. 64–71.
5. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Под ред. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1994. 615 с.
6. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 282 с.
7. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Ярцевой В.Н. М., 1990.
8. Teun A. van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London, 1998. 384 p.
9. Т.А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 2000. 308 с.

АВСТРАЛИЙСКИЙ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ: ДИСТИНКТИВНЫЕ ЧЕРТЫ

Сыдыкова С.Р.

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», Новосибирск,
e-mail: sydykova.svetlana1998@mail.ru

На территории Австралии нет официально-го языка, однако английский является родным языком для 72% населения страны. Это также основной язык, используемый структурах обязательного образования, а также в федеральных, государственных и территориальных законодательных органах и судах.

Австралийский вариант английского языка начал появляться вскоре после образования австралийской исправительной колонии в Новом Южном Уэльсе в 1788 году. Сосланные туда британские заключенные были в основном выходцами из крупных английских городов. Немалую часть составляли носители диалекта кокни из Лондона. К ним присоединились свободные поселенцы и военнослужащие, часто со своими семьями. Однако большая часть переселенцев были осужденные с ирландскими корнями, причем по меньшей мере 25% были непосредственно из Ирландии. Существовали и другие группы осужденных из неанглоязычных районов Британии, такие как валлийцы и шотландцы. К началу XIX века австралийский английский приобрел узнаваемые дистинктивные черты, и уже в 1827 году Питер Каннингем в своей кни-

ге «Два года в Новом Южном Уэльсе» сообщал, что коренные белые австралийцы того времени говорили с характерным акцентом, в котором ощущалось сильное влияние кокни [1].

Также большое влияние на развитие австралийского английского оказала так называемая «золотая лихорадка» в 1850х годах, когда в Австралии было обнаружено большое количество золотых руд. В то время около 2% населения Британии переехало на территорию Австралии. Известный лингвист Брюс Мур утверждал: «В развитие австралийского английского большой вклад внесли переселенцы из юго-восточной Англии во время золотой лихорадки» [1].

Изначально австралийский акцент был способен населения Австралии дистанцироваться от жителей Великобритании, вследствие чего появился характерный для Австралии сленг, называемый страйном [2].

С тех пор австралийский английский действительно живет своей собственной жизнью, обладая уникальными фонетическими и лексическими характеристиками. Речь австралийцев часто описывается как грубая, небрежная и довольно трудная для понимания.

На основе фонетических различий обычно выделяют три разновидности австралийского варианта английского языка:

- Cultivated (CAus). Является кодифицированным стандартом и наиболее всего приближен к RP.

- General (GenAus). Вариант австралийского английского, который является общепотребительным, на котором говорит большая часть населения.

- Broad (BrAus). Является диалектом малообразованной части населения, в нем присутствуют значительные отступления от стандартного английского не только в лексике и фонетике, но и в грамматике [3].

Для австралийского варианта английского языка характерна отличная от британской артикуляция, что ведет за собой некоторые различия в произношении звуков [4].

Одной из наиболее заметных особенностей является различное звучание [aɪ] в таких словах, как «night» и «like». Вместо этого дифтонг звучит как менее выраженный звук [ɔɪ].

Широкий [æ], который можно услышать в таких словах, как «cat» и «hat», обычно произносится аналогично [e].

Звук [ei], который присутствует в таких словах как «day», «way», «mate» так же произносится иначе и становится больше похож на британский дифтонг [ai].

Как и в британском английском, звук [ɪ] в конце слова не произносится. Однако англичане используют короткий звук [ə] в конце таких слов как «actor» или «sister». Однако австралийцы произносят такие окончания более четко, со звуком, близким к [ʌ] [2, 5].